

Гайденко Павел Иванович

МОТИВЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УХОДА ЖЕНЩИН В МОНАСТЫРЬ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Одним из важнейших социальных и религиозных институтов Древней Руси было женское монашество. К сожалению, его история и по сей день остаётся малоизученной. Между тем, влияние иночества на мировоззрение женской половины древнерусской знати - несомненно, а его участие в политической жизни Руси, хоть и не столь рельефно, как это проявилось в деятельности мужских монастырей, но не менее важно. В рамках представленной статьи предпринята попытка изложить первые впечатления о возможных мотивах ухода в монастырь и принятия иноческих обетов представительницами высших слоёв древнерусского общества и, прежде всего, княжеских семей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 46-51. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Все его подразделения, в том числе Отдел торгового мореплавания и Учебный комитет, стали подразделениями министерства торговли и промышленности. Прекратило существовать самостоятельное правительственное ведомство, руководившее работой учреждений и организаций морского торгового флота страны.

Таким образом, за короткое время своей деятельности Главное управление торгового мореплавания и портов сделало достаточно много для развития отечественного коммерческого флота и системы мореходного образования.

Список литературы

1. **Александр Михайлович (Сандро)** [Электронный ресурс]. URL: www.hrono.ru/biograf/bio_r/alexmih_sandro.php (дата обращения: 07.07.2015).
2. **Витте С. Ю.** Воспоминания: в 3-х т. М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1960. Т. 3. 724 с.
3. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ (III))**. СПб., 1902. Т. XX. Отд. I. № 18736.
4. **ПСЗРИ (III)**. СПб., 1904. Т. XXII. Отд. I.
5. **ПСЗРИ (III)**. СПб., 1905. Т. XXIII. Отд. I.
6. **ПСЗРИ (III)**. СПб., 1907. Т. XXIV. Отд. I.
7. **ПСЗРИ (III)**. СПб., 1908. Т. XXV. Отд. I.
8. **Российский государственный исторический архив (РГИА)**. Ф. 95. Оп. 4.
9. **РГИА**. Ф. 95. Оп. 14.

THE DIRECTORATE GENERAL OF TRADE NAVIGATION AND PORTS

Borduchenko Yuri Leonidovich, Ph. D. in History

Solomenko Institute of Transport Problems of the Russian Academy of Sciences
yu-borduchenko@yandex.ru

Zuev Andrei Vyacheslavovich, Ph. D. in History

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
univerandrey@mail.ru

The article is devoted to the activity of the Directorate General of Trade Navigation and Ports in the Russian Empire. Special attention is paid to the issues of making laws and rules that regulated the activity of shipping companies, ships' officials and the Directorate General itself, the internal organization of maritime educational institutions. It is concluded that for the short period of its activity the Directorate General of Trade Navigation and Ports made a lot for the development of the domestic commercial fleet and the system of maritime education.

Key words and phrases: educational committee; maritime educational institutions; shipping companies; ship's crew; maritime education.

УДК 94(47)"988/1240"

Исторические науки и археология

Одним из важнейших социальных и религиозных институтов Древней Руси было женское монашество. К сожалению, его история и по сей день остаётся малоизученной. Между тем, влияние иночества на мировоззрение женской половины древнерусской знати – несомненно, а его участие в политической жизни Руси, хоть и не столь рельефно, как это проявилось в деятельности мужских монастырей, но не менее важно. В рамках представленной статьи предпринята попытка изложить первые впечатления о возможных мотивах ухода в монастырь и принятия иноческих обетов представительницами высших слоёв древнерусского общества и, прежде всего, княжеских семей.

Ключевые слова и фразы: Киевская Русь; история Русской Церкви; древнерусское монашество; женское монашество; история повседневности домонгольской Руси.

Гайденко Павел Иванович, д.и.н., доцент

Казанский государственный архитектурно-строительный университет
paul08kaz@rambler.ru

**МОТИВЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УХОДА ЖЕНЩИН
В МОНАСТЫРЬ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ[©]**

Проблемы формирования женского монашества в домонгольской Руси, кажется, ни разу не разрешались в форме комплексного исследования. Как правило, дело ограничивалось отдельными сюжетами и персоналиями [16; 28]. Обращённая к истории древнерусского иночества и защищённая в 2010 г. диссертация Н. Е. Шафажинской [36], а также сопровождающий предпринятое автором исследование корпус авторских

статей и монография, к сожалению, не смогли закрыть имеющуюся лауну. Крайне сомнительной, как с научной, так и с богословской точек зрения должна считаться и предложенная автором концепция эволюции развития монашества, в хронологическую основу которой были положены годы жизни и деятельности тех или иных монашествующих подвижниц [37]. В итоге, к счастью будущих исследователей, «зияющая пропасть» в этой исторической области по-прежнему осталась открытой и ещё неосмысленной.

В истории домонгольской Руси хорошо прослеживаются следы деятельности не менее 15 женских монастырей. Уверенно констатируются 4 киевских (Ирининский, Никольский, Андреевский, он же Янчин, и в честь Лазаря Четверодневного), 1 полоцкий (обитель Евфросинии Полоцкой в честь Спасителя), 8 новгородских (Людинский на Мячине Воскресенский, Варваринский, Зверин, Духосошестввенский (первоначально мужской, а после – женский), Росткин Предтеченский, Плотницкий в честь св. мц. Евфимии, Михалицкий на Молоткове Рождественский, Варецкий во имя патр. Павла Цареградского), 1 владимирский (на Клязьме) (Княгинин Успенский) и 1 суздальский (Евфросиниев) [20, с. 668-671]. К ним примыкают обители, «предположительно устроенные в домонгольский период»: Покровский монастырь близ Боголюбова (1160-е гг.), Воскресенский монастырь в Муроме (1239 г.), Новгородский Петро-Павловский монастырь на Синичьей горе (после 1185 г.), Полоцкий Софийский женский монастырь (до 1173 г.), Пронский Рязанский женский монастырь, посвящение которого не вполне ясно (1240 г.) [Там же, с. 671-674].

При том что женские обители составляли явное меньшинство, их число к монгольскому вторжению нельзя считать слишком малым. Едва ли таковые монастыри пустовали, на что указывает продолжительность их деятельности. Вероятно, значительным было и общее число инокинь. Об этом позволяет судить и ряд косвенных указаний: во-первых, каноническо-правовые статьи, оговаривавшие проступки и преступления, связанные с инокинями [32, с. 89], и, во-вторых, рекомендации митрополитов Иоанна и Георгия, касавшиеся поведения монашествующих [8, стб. 16-17; 21, с. 253-254]. Количество сестёр, принявших обеты, может быть увеличено за счёт монахинь, живших вне стен женских обителей. Между тем, феномен странствующих инокинь, в отличие от таких же путешествующих монахов, домонгольской Руси, кажется неизвестен. Во всяком случае, он не исследовался. Тем не менее, какие-то инокини всё же жили и вне монастырских оград. Один из канонических ответов митрополита Георгия затрагивает эту «щекотливую» тему [21, с. 253-254]. И всё же при всех имеющихся известиях источников не представляется возможным даже приблизительно указать общую численность не только самостоятельно живших инокинь, но и насельниц монастырей.

В итоге, применительно к XI-XIII столетиям церковной истории известно не так много имён русских инокинь, большая часть которых – княгини. Если имена первых русских монахов, сохранные в Печерском патерике, обладают несомненной историчностью. То женские образы первых русских инокинь порой наделены не столько историческими, сколько легендарными чертами. Пример тому личность благоверной преподобной Анны Новгородской, скорее всего, первой жены Ярослава Мудрого, неоправданно отождествлённый Н. М. Карамзиным и поздним церковным преданием со второй супругой Ярослава Владимировича – Ингигердой-Ириной, якобы принявшей перед смертью монашество [16, с. 107; 33, с. 563]. Такое слияние образов двух женщин вызывает искренне недоверие к концепциям и выводам церковной и близкой к ней историографии [17]. Ещё более сложной видится ситуация вокруг имён легендарной четы Петра и Февронии, религиозно-романтическая история отношений которых, завершившаяся совместным постригом и смертью в один день, едва ли может рассматриваться как источник, отражающий реалии XII-XIII вв. [22, с. 5]. Скорее это в значительной мере фольклорное представление поколений более поздних эпох о том, как должны были жить на заре русского христианства [23, стб. 208]. Уже в силу этого рассматривать повесть о Петре и Февронии как исторический источник, отражающий реалии XII-XIII вв., не представляется возможным.

Отказавшись от цели рассмотреть все перечисленные стороны развития женского иночества, ограничим анализом лишь одного аспекта: мотивов и обстоятельств ухода знатных женщин в монастырь.

Впервые комплексный анализ мотивов и порядка поступления в женские обители России был предпринят О. В. Кириченко. Однако его, несомненно, интересные наблюдения и ценные выводы сделаны в отношении XIX – начала XX в. [9].

Уход в монастырь и принятие иноческих обетов – важный шаг, имевший в средневековье чаще всего необратимые последствия. Лишь насильственное принятие пострига могло освободить человека от обещаний, данных Богу. Однако и при признании оказанного на человека насилия далеко не всякий решался проявить смелость сложить с себя иноческие одежды. Пример подобного отношения к постригу хорошо прослеживается в истории семьи киевского князя Рюрика. Под 1205 г. Лаврентьевская летопись сообщает о том, как захваченные Романом Галицким киевский князь Рюрик, его супруга и дочь были пострижены в монашество [23, стб. 420]. Но бедствия сверженного правителя Киева были недолгими. В тот же год его обидчик погиб. Узнав о случившемся, Рюрик «смета с себе чернечские порты и седе в Киеве». Вскоре он попытался вернуть, «расстричь», свою супругу, но «слышав се жена его и пострижеса в скыму» [Там же, стб. 425-426]. Очевидно, что жена Рюрика, хоть и под принуждением приняла постриг, но отнеслась к случившемуся с ней иначе, чем её муж. Поэтому она не только отказалась возвращаться в дом мужа, но и по собственной воле приняла великую схиму.

Как уже было отмечено, источники сохранили монашеские имена главным образом представительниц княжеского рода. Это княгини и княжны. Тем не менее в описываемый период незамужние княжеские дочери крайне редко принимали монашество. Во всяком случае, источники сообщают только о двух таких примерах: вступление в руководство Андреевской обители Янкой Всеволодовной и череда иноческих постригов, совершенных в первой половине XII в. в Полоцке: принятие иночества юной полоцкой княжной Предиславой,

а под её влиянием её сестрами: родной сестрой Гордиславой и двоюродной сестрой Звениславой, а также родными племянницами. Но истории эти различны. Прежде всего дело касается возраста «христовых невест». Судя по всему, дочь киевского князя Всеволода, участвовавшая в посольстве в Константинополе и привезшая оттуда митрополита-скопца Иоанна III [24, стб. 200; 30, с. 99], возглавив женскую монашескую общину [24, стб. 197; 30, с. 97-98], была уже вполне взрослой. Совершенно иная ситуация прослеживается в отношении Предиславы, в иночестве Евфросинии. Её уход из дома под своды храма для несения иноческого послушания произошёл накануне сватовства, «еще не достигши ей в совершенъ возрастъ» [29, с. 434-435]. Судя по всему, юными были Гордислава, пришедшая в обитель Евфросинии для обучения грамоте, и две племянницы, дочери брата Евфросинии, Кирианна и Ольга [Там же, с. 439, 443-444]. Правда, в случае с Звениславой, в иночестве Евпраксией, определение возраста и отношение к браку затруднительны. Впрочем, именование Звениславы «княжной Борисовой» [Там же, с. 440] даёт основание видеть в ней незамужнюю девицу, а упоминание о значительном дарении, совершённом княжной монастырю [Там же], позволяет считать её совершеннолетней (дееспособной) и, возможно, взрослой. Различия прослеживаются и по иным аспектам, в том числе мотивам и обстоятельствам возложения девами на себя иноческого бремени.

Постриг Янки Всеволодовны, скорее всего, объяснялся не только её религиозностью, но и постигшей княжну и её отца неудачей в брачных переговорах с Константинополем [4]. Если это предположение В. Г. Васильевского верно, то остаётся загадкой, почему Всеволод Ярославич не стал искать для своей дочери новую партию, а позволил ей уйти в монастырь. Что касается полоцкой княжны Предиславы, то оставляя светный «мир», если верить источникам, она руководствовалась исключительно религиозными настроениями [29, с. 435]. Это особое религиозное состояние души Предиславы-Евфросии в совокупности с её трудами позволили А. О. Ложкиной определить её тип святости как «исихастско-деятельностный» [12, с. 9, 15]. Не было в прежней жизни полоцкой княжны и трагических обстоятельств, как в случае Янки, «утраченной любви» или испытания каких-то иных более существенных бедствий. Скорее, напротив, Предислава стремилась избавиться от возможности создать семью. Такая же «чистота» намерений и «невинность» подчёркиваются в решении принять иночество Гордиславой и в постриге племянниц. Однако в поступке Звениславы, в её отречении от «красного мира» и вменения земных сокровищ и удобств в «ничто» угадывается некое разочарование обстоятельствами личной жизни. Впрочем, выстраивание «психологических» портретов, а тем более портретов женских на основании поздних агиографических и даже летописных известий или текстов, подвергавшихся существенной обработке, к которым относится и повествование о Евфросинии [5; 31, с. 507] – дело «неблагодарное» и сомнительное по своим результатам [12; 15].

Конечно, двух пусть и ярких, но спорадичных примеров, разбросанных во времени и географически, недостаточно для вынесения окончательного вывода о том, что восприятие ангельского образа незамужними княжнами-девами в домонгольской Руси было хоть и знаковым, но редким явлением. Однако для того, чтобы рассматривать высказанное суждение как предварительный вывод – указанных случаев вполне хватит. В какой-то мере ситуация на Руси повторяла ту, что присутствовала в Византии. Вслед за L. Garland A. В. Майоров обратил внимание на то, что принятие монашества незамужними византийскими принцессами на протяжении всей истории империи относилось к числу крайне редких событий [14, с. 88; 40; 41, р. 366]. Впрочем, и находившиеся прежде в замужестве также далеко не всегда торопились облечься в монашеские одежды.

До начала XII в. среди женщин княжеского рода постриги были редкостью. Первый уже упоминавшийся выше подобный пример – принятие монашества с именем Анны, первой женой Ярослава Мудрого. Правда, происхождение Анны совершенно неясно: была ли она по рождению знатной иностранкой, княжной или же боярской дочерью. Её поступок на протяжении нескольких десятилетий, до принятия монашества Янкой Всеволодовной, выглядел «исключением». Тем не менее, в XII и XIII вв. ситуация изменилась. Монашества будут желать женщины, находившиеся в действующем браке. Так, в 1206 г. монашество при живом супруге приняла жена князя Всеволода [23, стб. 443-444]. Второй не менее интересный пример ухода в монастырь представительницы княжеской семьи содержит летописная запись под 1227 г. Тогда князь Святослав «отпусти княгню свою по свету всхотевши ей в монастырь» [Там же, стб. 450]. Такой шаг княжеской четы не только не противоречил церковному праву, но и вполне соответствовал ему, поскольку желание жены принять ангельский образ было согласовано с волей мужа, давшего супруге такое согласие [6, с. 669]. В складывавшихся условиях выяснение мотивов ухода в монастырь приобретает принципиальную важность.

Вероятно, одной из причин пострига могла становиться утрата суженого. Житие Евфросинии Полоцкой сообщает, что постриг девушки совершила «черница», вдова «княгиня Романова» [29, с. 435-436]. И это не единственный пример того, что вдовство становилось одной из побудительных сил, подводившей женщину к намерению «уневеститься Христу». Несомненно, будучи вдовой, приняла постриг и мать преподобного Феодосия [7, с. 308-309]. Летописание ясно указывает, что вдовство подтолкнуло к постригу, по меньшей мере, ещё одну княгиню, вдову Константина Всеволодовича, принявшую иноческие обеты с именем Агафья. Свой выбор она сделала во время похорон, на гробе мужа (1218) [23, стб. 444]. Очевидно, что такой не лишённый эмоций решительный шаг произвёл сильное впечатление на представителей знати и участников отпевания. Именно этим можно объяснить появление данной записи в летописи.

Однако вдовство, развод или незамужнее состояние не было обязательным условием для пострига представительниц княжеского рода. Так, Анна Ярославна, королева Франции [3, с. 136-137], овдовев и создав свой монастырь, вскоре вступила во второй брак на кузене своего покойного мужа-короля, чем вызвала заслуженные криволотки и осуждение [39, р. 507]. Не побудила к монашеству Анну и смерть её второго супруга. После 1075 г., с которым связан последний автограф дочери Ярослава [35], её следы теряются. Чаще высказывается мысль

о том, что, скорее всего, Анна вернулась на родину [13; 28, с. 23-25]. Однако ничего не известно о её религиозных устремлениях или тем более взглядах на возможность принятия монашества. Подобная, хотя и менее счастливая история связана с Евпраксией Всеволодовной – Адельхейдой, вступившей во второй неудачный семейный союз с императором Генрихом IV [1; 2, с. 162; 19; 28, с. 30-32; 34, с. 159; 38, с. 337-338], а после бегства от него и папского суда напрасно прожившей два года в Италии и искавшей поддержку в Венгрии. Даже, если признавать брак Генриха и Евпраксии политическим, как на этом настаивает А. В. Назаренко [18, с. 553, 557-558], судя по всему, дочь великого князя не горела желанием скорого возвращения домой и тем более не спешила с посвящением своей жизни келейным молитвам, приняв иночество уже после того, когда стало ясно, что ненавистный муж умер, а «женское счастье» ей больше «не улыбнётся». Схожая по драматизму судьба ожидала дочь князя Рюрика, изгнанную мужем, Романом Мстиславичем, а некоторое время спустя насильственно постриженную по воле своего властного бывшего супруга [11; 23, стб. 432]. Примечательно, что после изгнания из мужниного в родительский дом дочь Рюрика даже не мечтала о постриге и была облечена в монашеские одежды лишь под давлением обстоятельств. Таким образом, принятие монашества могло быть вызвано не столько вдовством или разводом, сколько безысходностью ситуации, как в случае с Евпраксией-Адельгейдой, или же стать результатом насилия, как это произошло с женой и дочерью князя Рюрика.

Намёк на подобную же безысходность угадывается ещё в одном случае. Житие Феодосия Печерского рассказывает, в том числе о том, как по благословению и молитвам своего сына мать Феодосия приняла постриг в одном из киевских монастырей. Феодосий был старшим ребёнком в семье, и его мать ради возвращения юноши прилагала колоссальные усилия: упрашивала, а порой отчаянно била Феодосия, устраивала погони, нанимала поиск и совершала дорогостоящие путешествия в Киев (при том, что семья подвижника была хоть и знатной, но не самой богатой). В итоге принятие женщиной жизненного выбора Феодосия, а с этим и монашества выказывает не столько её христианское смирение, сколько её отчаянное положение как матери и женщины, утратившей смысл своего существования – старшего сына, а также надежду на его потомство. Впрочем, этот отрывок житийного повествования передаёт совершившееся иначе, а именно как образец материнского послушания [7, с. 310-323].

Помимо духовных устремлений и вдовства к уходу в монастырь могли побудить и иные обстоятельства. Прежде всего, это касалось наступления старости, болезнь или предчувствие смерти. Под 1206 г. Лаврентьевская летопись сообщает о постриге супруги великого князя Всеволода Юрьевича, принявшей имя Мария. Уже через 18 дней после пострига она скончалась [23, стб. 443-444].

Впрочем, женские монастыри, в которых располагались «церковные дома», могли пополняться и весьма специфическим способом: принимая в свои стены сосланных в них знатных женщин, обличённых в супружеской измене или иных сексуальных пороках [27, с. 339; 32]. Между тем, учитывая, что «церковные дома» упоминаются именно в каноническом законодательстве, связанном с деятельностью, или, по меньшей мере, именем митрополичьей кафедры, можно предположить, что таковые «пенитенциарные» функции, скорее всего, присутствовали только у каких-то киевских женских монастырей, поскольку проживание женщин в мужской обители было категорически запрещено [26, с. 532].

Создаётся впечатление, что на протяжении всего домонгольского периода для представительниц княжеских линий ни вдовство, ни развод, ни отсутствие подходящей партии не становились достаточным основанием для неперемного оставления красот этого мира и посвящения своей жизни одному лишь Богу. И это при том, что судьба русских княгинь, переживавших своих мужей или же разлучённых с ними, была непростой, поскольку их повторное вступление в брак с представителями Рюриковичей не практиковалось и, кажется, было табуировано [10]. Правда, при этом в некоторых случаях местом захоронения женщин из правящего рода Рюриковичей, умиравших без принятия иноческих обетов, порой становились не «просто» создававшиеся ими церкви и соборы, а патронлируемые их семьями монастыри. Но сообщения о таких погребениях также единичны [23, стб. 421].

Подводя предварительные итоги заявленной проблемы, приходится заметить, что значительная часть древнерусских инокинь была представлена членами княжеского рода: княжескими дочерьми и княжескими женами. Однако число желавших принять монашество было невелико. Большая часть знатных женщин предпочитала иночеству личную свободу действий. Вступление на путь монашеского послушания девиц не поощрялось, кроме тех случаев, когда ситуация не позволяла девушке вступить в брак. История Евфросинии Полоцкой и связанных с её именем постригов – исключение, подтверждающее правило. Высокий статус княжеских и боярских дочерей, служивших орудиями политических отношений и социальных связей [25], не предполагал для девушек монашества. Чаще уход в монастырь объяснялся вдовством и личными потрясениями (от семейных драм до совершения серьёзных проступков, влекших потерю прежнего общественного или родового статуса). В этих условиях уход в обитель нередко становился единственным способом сохранить себя. Тем не менее, всё вышеизложенное имеет предварительный характер и нуждается в дальнейшем уточнении.

Список литературы

1. **Анналы монастыря св. Дисибода** // Древняя Русь в свете зарубежных источников: в 5-ти т. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 4. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 208-209.
2. **Аугсбургские анналы** // Древняя Русь в свете зарубежных источников: в 5-ти т. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 4. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 161-162.

3. **Бременский А.** Деяния гамбургских архиепископов // Древняя Русь в свете зарубежных источников: в 5-ти т. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 4. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 122-151.
4. **Васильевский В. Г.** Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // Васильевский В. Г. Избранные труды по истории Византии: в 2-х т. М.: Дарь, 2010. Т. 1. С. 419-472.
5. **Воронова Е. М.** Житийная повесть о Евфросинии Полоцкой как литературно-исторический памятник XII века: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1991. 15 с.
6. **Голубинский Е. Е.** История Русской Церкви. Период первый, Киевский или домонгольский: в 2-х т. М., 1904. Т. 1. Ч. 2. 926+XVII с.
7. **Житие Феодосия Печерского** // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1978. С. 305-392.
8. **Канонические ответы митрополита Иоанна II** // Русская историческая библиотека: в 40 т. СПб., 1880. Т. 6. Памятники канонического права. Ч. 1. Памятники XI-XV в. Стб. 1-20.
9. **Кириченко О. В.** Уход в женский монастырь: условия, обстоятельства, мотивы // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 120-131.
10. **Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.** Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: матримониальные стратегии и легенды власти // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях / под ред. П. И. Гайденко. СПб.: Казань, 2014. С. 7-20.
11. **Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.** Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2012. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности / отв. ред. А. А. Горский. С. 135-169.
12. **Ложкина А. О.** Образы святых жен в житийной литературе XII-XVII вв.: агиология и поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ижевск, 2012. 24 с.
13. **Луняк Є. М.** Анна Руська – королева Франції. Київ: Книга, 2012. 203 с.
14. **Майоров А. В.** Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 76-106.
15. **Малкова Н. А.** Женский религиозно-нравственный идеал в культуре Древней Руси: автореф. дисс. ... к. культурологии. СПб., 2010. 20 с.
16. **Малкова Н. А.** Служение женщины в житиях святых жен Руси // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. С. 107-114.
17. **Назаренко А. В.** Анна († 1018?) // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 452-453.
18. **Назаренко А. В.** Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2002. 784 с.
19. **Назаренко А. В.** Евпраксия (Адельгейда) Всеволодовна // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. Т. 17. С. 194-195.
20. **Назаренко А. В., Самойлов А. И.** Монастыри, основанные на Руси в 988-1240 гг. // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: в 7-ми кн. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 2. История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988-1240) / науч. ред. А. В. Назаренко. С. 668-674.
21. **Неведомы(х) словесъ, изложено Георгиемъ, митрополито(м) Киевскимъ, Герману игомену въпрашающу, оному поведаящю** // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: Индрик, 2004. Вып. 11. С. 233-255.
22. **Повесть о Петре и Февронии** / подг. текста и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л.: Наука, 1979. 339 с.
23. **Полное собрание русских летописей:** в 43-х т. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 496 с.
24. **Полное собрание русских летописей:** в 43-х т. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 2. Ипатьевская летопись. 648 с.
25. **Полякова С. Г.** Княгини Древней Руси X – первой половины XIII вв.: автореф. дисс. ... к.и.н. Брянск, 2006. 22 с.
26. **Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского:** в 2-х т. СПб., 1912. Т. 1. 641 с.
27. **Правосудие митрополичь** // Серафим Владимирович Юшков: сб. трудов. М.: Юридическая литература, 1989. С. 336-339.
28. **Пушкарёва Н. Л.** Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
29. **Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам:** в 3-х т. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I-X / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. 598 с.
30. **Татищев В.** История российская: в 3-х кн. М.: АСТ; Ермак, 2005. Т. 2. 732 с.
31. **Турилов А. А.** Евфросиния (Предислава Святославична; ок. 1104 – 23.05 (1173 или 1167?), Иерусалим), прп. [Житие] // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. Т. 17.
32. **Устав князя Ярослава о церковных судах** [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 85-91.
33. **Филарет (Гумилевский), архиеп.** Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. СПб.: Русская симфония; БАН РФ, 2008. 760 с.
34. **Фрутольф из Михельсберга и Эккехард из Ауры. Хроника** // Древняя Русь в свете зарубежных источников: в 5-ти т. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 4. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 158-161.
35. **Холодilin А. Н.** Автографы Анны Ярославны – королевы Франции // Русская речь. 1985. № 2.
36. **Шафажинская Н. Е.** Русское монашество как историко-культурное явление: автореф. дисс. ... д. культурологии. М., 2010. 40 с.
37. **Шафажинская Н. Е.** Этапы становления и эволюции русского женского монашества: духовный облик первых подвижниц (XI-XIV века) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 3. С. 51-56.

38. **Штаденский А.** *Анналы // Древняя Русь в свете зарубежных источников: в 5-ти т. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 4. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. С. 336-343.*
39. **Chronicon Sancti Petri Vivi Senonensis** // *Bibliothèque historique de L'Yonne ou Collection de legends, chroniques et documents divers pour servir a l'histoire des différentes contrées qui forment aujourd'hui ce département: dans 2 volumes. Auxerre: Perriquet et Rouille, imprimeurs de la société; Paris: Didron, 1863. Т. 2. P. 451-550.*
40. **Garland L.** *Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium. 527-1204. L. – N. Y., 1999. 364 p.*
41. **Garland L.** *The Life and Ideology of Byzantine Women: A Further Note on Conventions of Behaviour and Social Reality as Reflected in Eleventh and Twelfth Century Historical Sources // Byzantium. Revue internationale des études Byzantines. Bruxelles, 1988. Т. 58. P. 361-393.*

MOTIVES AND CIRCUMSTANCES OF WOMEN'S RETIREMENT TO THE NUNNERY IN PRE-MONGOL RUS'

Gaidenko Pavel Ivanovich, Doctor in History, Associate Professor
Kazan State University of Architecture and Engineering
paul08kaz@rambler.ru

One of the most important social and religious institutions of Old Rus' was woman's monasticism. Unfortunately, its history remains little-studied. Meanwhile, the influence of monasticism on the world outlook of the female half of the Old Russian nobility is undoubted, and its participation in the political life of Rus', though not so prominently as it was manifested in the activity of the monasteries, was not less important. Within the framework of the article the author makes an attempt to provide the first impressions of possible motives for retirement to the nunnery and taking monastic vows by the representatives of the upper classes of the old society and, above all, by the representatives of prince's families.

Key words and phrases: Kievan Rus'; history of Russian Church; Old Russian monasticism; woman's monasticism; history of everyday life of pre-Mongol Rus'.

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

Статья посвящена одному из первых крупных сочинений современного отечественного композитора Александра Цыганкова «Русская фантазия» для балалайки и русского народного оркестра. На примере данного сочинения показываются специфические формы претворения фольклорного тематизма, характерные для народно-инструментальной культуры последних десятилетий. В данном образце органично переплетаются традиционные приёмы, связанные с вариационным развитием, и новые формы преломления народного материала с помощью коллажной техники.

Ключевые слова и фразы: народные инструменты; балалайка; Александр Цыганков; «Русская фантазия»; фольклорный тематизм; вариации на тему русской народной песни.

Гальцев Дмитрий Игоревич

Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт имени С. В. Рахманинова
dmitrygaltsev@mail.ru

«РУССКАЯ ФАНТАЗИЯ» А. А. ЦЫГАНКОВА: ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ФОЛЬКЛОРНЫМ ТЕМАТИЗМОМ[©]

Сочинение композитора А. А. Цыганкова «Русская фантазия» для балалайки с оркестром (1996 г.) написано в русле новейшего типа фольклоризма. Эта область современного композиторского творчества в сфере народно-инструментального искусства представляется актуальной и может служить предметом для отдельного исследования. Традиционно искусство для народных инструментов связывается с приёмами фольклорного плана. Показать современные способы преломления элементов народного музыкального творчества на примере оригинального сочинения для балалайки А. Цыганкова является задачей данной статьи.

Это первое крупное сочинение автора для балалайки. В ряду опусов, написанных в конце XX столетия, данная фантазия выделяется своеобразным и изобретательским подходом к воплощению народного тематизма. «Вопрос национального в музыке сегодня решается широко, с позиций не столько прямого отражения фольклорного материала как такового, сколько его опосредованного бытования в системе разнообразных музыкально-выразительных средств» [2, с. 64]. Примечательно, что фантазия решена с композиционной точки зрения традиционно (два крупных контрастных в темповом и жанровом отношении раздела – медленный протяжный и подвижный плясовой).